

С. Ф. МУСИЕНКО

**МАЛАЯ РОДИНА В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ АДАМА МИЦКЕВИЧА
И ЧЕСЛАВА МИЛОША**

«Kraj lat dziecięcych! On zawsze zostanie
Święty i czysty, jak pierwsze kochanie,
Ten kraj szczęśliwy ubogi i ciasny!
Jak świat jest boży, tak on był nasz własny,
Jakże tam wszystko do nas należało,
Jak pomnim wszystko, co nas otaczało...
Jak każdy kącik ziemi był znajomy...» [1, s. 381]
Adam Mickiewicz

«Nie ma domu, jest park, choć stare drzewa wycięto
I gąszcz porasta ślady dawnych ścieżek.
Rozebrano świerien, biały zamczysty...
Takie jak dawniej koleiny drogi w dół:
Pamiętam gdzie skrócić ale nie poznaem rzeki...
Ani szuwarów, ani lilii wodnych.
Przeminęła lipowa aleja, niegdyś droga pszczołom
I sady, kraina os i szerszemi opitych słodyczą...
To, miejsce i ja, choć daleko stąd
Równocześnie, rok po roku, tracimy liście,
Zasypywały nas śniegi, ubywało nas.
I znów razem jesteśmy, we wspólnej starości» [2, s. 404].
Cesław Miłosz

Приведенные примеры стихотворений принадлежат двум великим польским поэтам Адаму Мицкевичу (1798–1855) и Чеславу Милошу (1911–2004). Мицкевич – романтик, Милош – реалист и философ. Их разделяет не только разница во времени – 113 лет, но исторические и социальные изменения, произошедшие в мире, мировые войны и вихри революций, не раз изменявшие и судьбу их родины, и судьбы всего человечества. И все же, в жизни обоих поэтов оставалась неизменной их любовь к родной земле – малой родине, наполненной своими красками, цветами и мелодиями их творчество. Обоих поэтов миру подарила земля, которую они называли Литвой. Это лесной и озерный край, славившийся неяркой,

будто затуманенной красотой, но обладавший удивительно притягательной силой. Не случайно и Мицкевич, и Милош пронесли в своих сердцах любовь к этой земле и до конца дней воспевали ее в своем творчестве, как и не случайно Милош назвал Мицкевича поэтом с соседней деревни.

Следует отметить и удивительное сходство судеб обоих поэтов. Мицкевич и Милош родились в период важных и трагических для их родины событий: Мицкевич – после утраты Польшей государственности, Милош – перед Первой мировой войной, принесшей его родине независимость. Обоим пришлось навсегда уехать с родной земли и стать своеобразными «гражданами мира», но при этом сохранить себя и в национальном проявлении, и в жизни, и в деятельности, и в творчестве, и главное сохранить в памяти свою родину.

Для каждого человека понятие отечества, родины имеет двойное значение: широкое, или гражданско-политическое, административно-географическое, определяющее правовой статус человека и являющееся для него родиной большой, и узкое, которое можно назвать биологически-эмоциональным. Оно связано с местом рождения человека и определяет ту психологическую атмосферу, в которой он вырастает. Такую родину принято называть малой. В случае с Мицкевичем и Милошем выразительно прослеживается значение третье, назовем его ностальгическим. Это образ второй, малой родины, с которой поэты расстались навсегда, но эмоционально воспроизвели ее, а точнее «сконструировали» в собственном творческом сознании. Все это обусловило три взгляда на проблему Родины и три различных способа и – принципа ее отражения в творчестве обоих поэтов.

Понятие малой Родины связано с местом рождения, землей предков, местом, где проходило детство, когда человек ощущал физическую близость родной земли. Для Мицкевича – это были Заосье и Новогрудок, позднее Вильно, для Милоша – Шетейни, Красногруд и Вильно.

Фактор малой родины очень важен для личности творческой, заключающийся в непосредственном воздействии на нее окружающей обстановки, которая помогает вырабатывать эмоциональную память. Такая память формируется по мере взросления и становления личности и обостряется в случаях ее протирания с родиной, особенно не по собственной воле.

Жизнь, деятельность и творчество Мицкевича и Милоша можно было бы графически изобразить двумя параллельными линиями, расположенными одна от другой на расстоянии во времени в 113 лет. Неоднократно подчеркиваемое исследователями творчества Милоша сходство с Мицкевичем, а точнее повторяемость эпизодов его жизни можно объяснить в равной степени и случайностью, и предначертанием судьбы. Неоспоримым остается факт рождения обоих поэтов на одной и той же земле с одинаковым названием *Литва*, которая почти 130 лет была окраиной Российской империи, называемой официально Северо-Западным краем. Для Мицкевича национальная неволя его народа длилась всю жизнь. Для Милоша – лишь первое неполное десятилетие его жизни. Мицкевич воспитывался в психологической и социальной ауре протеста против царско-российской неволи. Милош – в условиях национального оптимизма, связанного с обретением Польшей независимости. Оба они были «тутэйшымі» на своей малой родине: Мицкевич – в среде польско-белорусско-русской, Милош – в среде польско-литовско-русской. У обоих поэтов малая родина была землей необыкновенной, на которой с давних пор в мире и согласии жили народы разных национальностей, разных религий, разных обычаев. И все они, сохраняя свои национальные черты и культуру своего народа, духовно обогащались культурным наследием соседей. И, несмотря на то, что и Мицкевич, и Милош были выходцами из обедневшей провинциальной шляхты, духовное формирование каждого происходило по-разному.

Мицкевич, хотя и был сыном шляхтича, рос и воспитывался на хуторе Заосье среди простого народа, в большинстве это были белорусы, мелкие хозяйственные надель которых довольно плотно окружали небольшое подворье небогатого шляхтича Миколая Мицкевича. О влиянии на поэта белорусского окружения и его близости с белорусским народом и белорусской культурой свидетельствовали и факты его жизни, и высказывания самого Мицкевича, и выводы исследователей его творчества.

Примером может служить фрагмент письма Мицкевича к его другу Я. Чечоту, где он вспоминал о своей юношеской любви к крестьянской девушке – красавице Юзе, которая вышла замуж за белорусского парня. Его Мицкевич назвал «своим родственником» и вспоминал, каким «остроумным и веселым» он был во время учебы в новогрудской школе [3, с. 45 – 46].

Белорусский ученый Олег Лойко высказывал довольно смелое предположение о белорусском происхождении Мицкевича.

«Семья, в которой родился будущий поэт, – пишет Лойко, – происходила из местной шляхты, далекие предки которой, возможно, были белорусами, но в результате исторической судьбы новогрудчины давно кровно и духовно слились с польским народом» [4, с. 5].

Это предположение могло быть высказано не без влияния известного литературоведа Казимежа Выки.

«Породила его (А. Мицкевича – уточнение мое: С. М.) глубокая и тихая провинция. В ней все было близким белорусскому народу... Этот поэт навсегда сохранил верность этой провинции» [5, с. 26].

Или:

«Тот самый, но уже стареющий Мицкевич, – отмечал литературовед, – если кто-либо проехавший передавал ему привет от польского народа, отвечал ему так: «Да, Пан! Поверь мне, нет более искренних людей, чем наши колтунястые белорусы» [5, s. 26].

Подчеркну, что о национальном происхождении Мицкевича споры не утихают и до сегодняшнего дня. Впрочем, так называемые «вопросы» о значимых для человечества деятелях культуры возникали всегда (гомеровский, шекспировский, мицкевичевский и даже шолоховский). Главное, что эти деятели культуры, принадлежа всему человечеству, оставались представителями культуры своих народов.

Несмотря на сходство социального происхождения и близость мест рождения, начало жизни Чеслава Милоша складывалось иначе. Отец его Александр Милош – шляхтич по происхождению – закончил Рижский политехнический институт и стал строителем дорог и мостов. Его работа требовала частых переездов. Естественно, в этих служебных странствиях участвовала семья. Вспоминая прошлое, Чеслав Милош сказал, что его детство не было «sielskim».

«...мое детство с тех пор, как я помню, – вспоминал Милош, – это вечная спешка: путешествия, бегство, выстрелы с фронта, каждые несколько дней новые города и люди, 1917 год и т.д., добрые комиссары, дворец над Волгой в центре резни, голод и ночные обыски в Допарте» [6, s. 7].

С детства Милош знал два языка – польский и русский. Последний он слышал во время пребывания семьи в России. Литовский был языком слуг и жителей Шетейней. Позднее Милош сам объяснит роль литовского фактора в книгах Александра Фиута «Беседы с Милошем» и «Непокорный портрет Чеслава Милоша». Как и Мицкевич, Милош связывал свою «литовскость» с фактом существования государства – Великого Княжества Литовского (фактор гражданско-политический и исторический), но по национальности оба поэта были поляками. Правда, кроме многоязычной среды, в детском сознании Милоша картины отчего дома в Шетейнях сменялись картинами жизни тех мест, в которых семье приходилось жить по роду службы отца. Кроме того, будущий поэт учился в школе не на малой родине, а в Вильно, поэтому даже в его первых поэтических опытах в описаниях мира детства и малой родины наблюдались настроения ностальгические. Следует учесть и особенности социально-политической обстановки в мире в 30-е годы: приход к власти фашистов в Германии, разрастающийся в Европе кризис, предвидение новой мировой войны. В среде интеллектуальной элиты (не только польской, но и европейской) преобладают пессимистические настроения, а в творчестве растут тенденции катастрофизма. Именно в этот период молодой поэт Чеслав Милош начинает свой путь в литературу. Выросший в интеллектуальном окружении, почти с десятилетнего возраста учившийся в Вильно, он воспринял настроения эпохи. Поэтому малая родина, к показу которой он обращался, была в большей степени идеалом, чем фактом, причем идеалом недостижимым в мире несовершенном, в мире приближающемся к апокалипсису. Поэтому ее образ чаще представлялся картинами природы, воспоминаниями об отце, матери, брате. Психологическая атмосфера таких стихотворений несла умиротворение и душевное спокойствие.

Тогда, в 30-е годы XX века, из Вильно в отчий дом в Шетейнях можно было вернуться в любой момент, погрузиться в мир детства и снова стать «мальчиком в литовской семье, но уже в роли иной – героя произведения «сказочного реализма». Такое «возвращение» в прошлое Милош предпринял, но уже в зрелом творчестве («Dolina Issy», «Szukanie ojczyzny»). И это стало не прустовское структурирование прошлого времени, а своеобразное эмоциональное путешествие во времени как в собственный мир детства и юности, так и в мир близких и далеких предков с воспроизведением семейного мифа, обогащенного, с одной стороны, реальными фактами, касающимися истории народа, государства, Европы и мира, с другой – хроникой и летописями семейного архива и семейных преданий.

Следует учесть и то, что Милош с раннего детства, а точнее со второго года жизни, жил не только в отчем доме, но и в других городах, видел большой мир, людей разных обычаев, религий, национальностей. Кроме того, с 10 лет он жил в Вильно, где и учился в школе, а затем в университете. Столь тесной связи, как у Мицкевича с малой родиной, у Милоша не было. Это и способствовало выработыванию к ней философской и эмоциональной дистанции. Мицкевич же со своей малой родиной был органически связан почти 25 лет. Он жил в ее среде: воспитывался на белорусских народных песнях няни, его творческое воображение формировалось на сказках и преданиях слуги Блажея, прозванного за свой дар повествователя Улиссом, учился в новогрудской гимназии и вместе с друзьями бывал на ярмарках, свадьбах, поминках и т.д. Словом, погружался в атмосферу жизни, обычаев и культуру местных жителей, изучал фольклор, а позднее собирал его. И этот мир органически вошел в его творчество. Мицкевич, как Антей, черпал силу от непосредственной близости с родной землей. Она была героем его произведений, его творческим вдохновением. Будучи основоположником романтизма, Мицкевич вводил его принципы в творчество. Мир его произведений, посвященных малой родине, отличается многообразием фольклорных образов, полон красок и мелодий родного края с необычайно красочной и возвышенно романтически изображенной галереей персонажей, привнесенных в мир его произведений из реальной жизни. Мир, в котором поэт предельно точно сформулировал главные принципы литературы романтизма: чувство и

вера. Противопоставляя романтизму устаревшую концепцию классицизма «мертвых истин», поэт обосновал и основной принцип реализма – изображение «живых истин». Обращаясь к воображаемому оппоненту – классицисту, Мицкевич формулирует свою концепцию художественного и философского видения жизни и народности литературного творчества в балладе «Романтичность»:

«Martwe znasz prawdy, nieznanne dla ludu,
Widzisz świat w proszku, w każdej gwiazd iskierce;
Nie znasz prawd żywych, nie obaczysz cudu!
Miej serce i patrzaj w serce!» [7, s. 63].

Позднее Мицкевич сформулирует еще один важный подход к изображению мира в литературе: «вижу и описываю», который станет одним из основополагающих принципов реализма. Этот принцип использует через 113 лет «поэт из соседней околицы» Чеслав Милош. В истории литературы такое восприятие напоминает не только «диалог через время», но и является своеобразным символом или знаком литературы, не случайно исследователь творчества Милоша М. Залеский назовет Мицкевича «эмблематическим архипоэтом... «Мицкевич» – это знак истории или символ, играющий роль кантовского ремеморативного знака», – отмечает ученый и подчеркивает, что этот знак намного богаче «в значении, чем те, которые скрыты в его биографии и его произведениях». Подобную роль, но уже в литературе XX века Залеский отводит и Чеславу Милошу: «Милош... был и остается для нас сегодня фигурой архипоэта и знаком истории» [8, s. 250 – 251].

Согласимся с мнением Залеского, что оба поэта были знаковыми представителями не только национальной, но и мировой культуры. Но каждый из них жил и творил в контексте своей эпохи: Мицкевич – в эпоху романтизма, Милош – психологического и социального реализма. Поэтому сходные факты их биографий и мифов о них в творчестве каждого были представлены «под натиском» *своего* времени.

Достаточно вспомнить, что и Мицкевич, и Милош в детстве тяжело болели и их матери одинаково горячо молились Богу за здоровье своих детей. Мицкевич этим фактом по сути начинает свою бессмертную поэму «Пан Тадеуш», представляя романтически возвышенно факт своей болезни в детстве.

«Panno Święta, co jasnej bronisz Częstochowy
I w Ostrej świecisz Bramie! Ty, co gród zamkowy
Nowogródzki ochraniasz z jego wiernym ludem!
Jak mnie dziecko do zdrowia powróciłaś cudem
(Gdy od płaczącej matki pod Twoją opiekę
Ofiarowany, martwą podniosłem powiekę
I zaraz mogłem pieszo do Twych świątyń progu
Iść za wrócone życie podziękować Bogu)» [1, s. 9].

Милош также неоднократно вспоминает о своей болезни в детстве. Он знал о клятве своей матери совершить пешеходное паломничество в честь выздоровления сына. И она это паломничество совершила. Об этом вспоминал и сам Милош. «Моя мать, когда я болел дифтеритом, поклялась, если я выздоровею, пойти пешком к Острой Бреме от нас, из Литвы. Я выжил... Это точно так, как с Мицкевичем, правда?» [9, s. 122].

Подобие фактов очевидно, но у Милоша они представлены – иначе в форме краткого сообщения. Эмоциональный оттенок заключен в вопросе автора: «Это точно так, как с Мицкевичем?»

Божена Хшонстовская считает, что «Милош с удовольствием возвращает свою романтическую легенду, об этом свидетельствует использование мотива молитвы за него в детстве Остробрамской Божьей Матери:

I ona mnie Ostrobramskiej Pannie ofiarująca
Jak i dlaczego wysłuchana została?» [10, s. 28].

В приведенном фрагменте лирический герой имеет автобиографические черты, но в то же время автор придает этому факту романтическую возвышенность и сопровождает его философским раздумьем человека XX века, вынужденного оставить родину. Герой вспоминает о ней с болью в сердце. Там остались парк, «вид на луг, реку и всю долину», «церковная башня в городке за лесом», а «Здесь – никого» [11, s. 124]. Герой одинок, он в изгнании.

Иначе представлена вторая молитва, обращенная к Божьей Матери в стихотворении «Madonna ocalenia».

«Matko, uratuj mnie, grzeszne moje życie,
Wróć mnie na piękną ziemię, jeszcze daj mi czas.
Matko, nie zasłużyłem, ale zacznę na nowo,
Ty nie żyłaś daleko, bo jesteś koło mnie,
I w kapturach ociekających wodą, bosą, ze spuszczoną głową,

Mysząc: dlaczego ocalała mnie,
Szli złożyć na jej ołtarz ślubowaną świecę.
Potem pili, wrzeszczeli, kobiety poczynały.
Jej uśmiech znaczył, że podług jej woli» [11, s. 43].

В этом случае лирический герой показан без романтического ореола среди людей, утративших Бога в душах, но Мадонна их прощает. Лирический же герой одинок среди людей. И он не столько вспоминает прошлое, сколько пытается обрести себя в мире, понять смысл собственного существования.

С темой малой родины у Мицкевича связана и тема любви. Здесь он познал свою музу – Марылю Верещак, присутствие которой и как романтической героини («Dudarz», «To lubię», «Kurhanek Maryli», «Do M.», «Dziady» Wieńsko-Kowieńskie), и как вдохновительницы, предлагавшей поэту сюжеты для стихотворений («Свитязь»), наблюдается практически во всем творчестве Мицкевича доэмиграционного периода.

Достаточно вспомнить историю их знакомства и мифотворчество связанное с ним. И Мицкевич, и Марыля прекрасно понимали, что их любовь обречена на разрыв. У Марыли был жених граф В. Путкамер. Да и вряд ли ее семья согласилась бы на брак с безродным, хотя и гениальным поэтом. Их любовь имела характер романтический, напоминая судьбы влюбленных прошлого: Элоизы и Абеляра, Орфея и Эвридики, Лауры и Петрарки, Шекспира и таинственной черной леди и многих других. Видимо, Марыля понимала, что она может сохраниться в памяти грядущих поколений лишь благодаря Поэту, который ее воспевает.

Такой музы у Милоша не могло быть, поскольку он поэт другой эпохи – XX века, эпохи прагматичной, суровой, богатой трагическими событиями. В творчестве Милоша, видимо, поэтому и не присутствует тема романтической любви, как у Мицкевича. Известно, что у него была семья. Но это мир глубоко личный и не имеющий отношения к малой родине поэта. У него поэтому ностальгия по родине окрашена тональностью грусти и трагического одиночества, одиночества в большом городе, одиночества в мире, одиночества среди людей. Ностальгия по малой родине у Милоша имеет характер философско-реалистический.

Мицкевич воссоздает Новогрудчину в свете поэтического озарения, в ярких красках и мелодиях природы, патриархальном быте предков, любви к женщине, земле, родине и свободе. И все буквально пронизано верой в будущее. В «Пане Тадеуше» Мицкевич как будто спорит с самим собой: он назвал поэму «Ostatni zajazd na Litwie», а завершает ее танцем победителей – полонезом, выполняющим главную идейную функцию: веры в победу. Поэтому в нем участвуют представители всех сословий.

«Wre taniec, bzrmi muzyka, oklaski i zdrowia!» [1, s. 355].

Милош же конструирует образ утраченной родины, подчеркивая, что как земля предков, как мир детства и родительской любви она сохранилась лишь в его памяти. В отличие от Мицкевича, который не мог вернуться в Новогрудок, Милошу удалось побывать в Шетейнях после 52 лет эмиграции и увидеть, что от прошлого почти ничего не осталось (стихотворение «Dwór»).

«Nie ma domu, jest park, choć stare drzewa wycięto...
Rozebrano świreń biały zamczysty,
ze sklepami czyli piwnicami w których stały półki na jabka zimowe» [2, s. 404].

Вначале может показаться, что автор просто перечисляет предметы исчезнувшего мира. Далее следует такой же перечень картин этого мира, которые изменились до неузнаваемости: из реки исчезли камыши и водные лилии, липовая аллея и сад заросли чертополохом и крапивой. В стихотворении постоянно присутствуют два времени: прошлое, в котором была жизнь: струилась вода в реке, росли лилии и камыши, цвел сад, благоухали липы в аллее. И настоящее, в котором все исчезло. Автор ни слова не говорит об участии в процессе исчезновения красоты и жизни социального фактора – социального мироустройства. Используя прием открытого сюжета, Милош дает возможность читателю сделать выводы о современной жизни самому. Автор же переводит размышления в сферу философскую: «Одновременно год за годом мы утрачиваем листья, засыпают нас снега, мы уменьшаемся» [2, s. 404]. Да, это диалектика существования всего живого, к сожалению, от рождения к смерти. Но не ускоряет ли этот путь несовершенный реальный мир? Именно изображением его картины завершает стихотворение Милош.

«Interesuje mnie dymek, z rury zamiast komina,
Nad baraczką skleconym niezgrabnie z desek i cegły
W zieleni chwastów i krzaków – poznaje *sambucum nigra*
Chwała życiu za to, że trwa, ubogo, byle jak.
Jedli te swoje kluski i kartofle
I mieli przynajmniej czym palić w nasze długie zimy» [2, s. 404].

Приметы, предметы и картина этого мира в корне отличаются от мира прошлого, детских воспоминаний. В картине реального мира исчезла красота: вместо дома – барак, вместо сада – сорняки и заросли, вместо вкусной еды – лапша и картошка.

Знаменательно, что Милош оригинально использует две категории времени – прошлого и настоящего. Прошедшее употребляется в случаях, когда автор повествует о том, что исчезло: «разрушен амбар», «исчезла липовая аллея», «сады... обветшали, заросли чертополохом и крапивой». В этом плане интересна конструкция сочетания воспоминаний и произошедших изменений: «Я помню, где свернуть, но не узнал реки». В случае воспроизведения душевного состояния героя и показа картины реального мира используется время настоящее: «Меня интересует дымок из трубы, вместо дымохода», «я узнаю черную бузину», «да здравствует жизнь, за то, что продолжается».

Были ли в то время, в 80-е годы XX века, в сознании Милоша невысказанные вопросы: что произошло с его малой родиной и миром и почему человек согласился с жизнью в бараках среди диких зарослей? Психологическая напряженность, которую автор намеренно создает в конце произведения, служит важному идейному назначению: сконцентрировать внимание читателя на изменениях, которые принесли в мир трагедии XX века – мировые войны, революции, политический диктат. В этом случае Милош точно рассчитал силу воздействия произведения на читателя, являющегося или участником, или свидетелем этих трагедий.

Ностальгия по родине у Мицкевича имеет принципиально иное идейное и художественное выражение. Поэт вспоминает прошлое не только затем, чтобы его картины запечатлеть в художественном слове, но и потому, что он *верит* в будущее своего народа, и прежде всего жителей его малой родины. Мицкевич использует для этого картины природы, которые выполняют две важные функции: идейную и психолого-аллегорическую. В описаниях он использует только настоящее время, которое помогает поверить в жизненную силу, реальность и долговечность существующего уклада и порядка вещей, описанных в «Пане Тадеуше»:

«... Dom mieszkalny...
Widać, że okolica obfita we zboże
I widać z liczby kopie, co wzdłuż i wszcz smugów
Świecą gęsto jak gwiazdy, widać z liczby pługów
Orzących wcześniej łany ogromne ugoru
Czarnoziemne, zapewne należne do dworu,
Uprawne dobrze na kształt ogromnych grządek:
Że w tym domu dostatek mieszka i porządek» [1, s. 10].

Милош прочитал «Пана Тадеуша» в раннем детстве и возмутился «неточностью описаний», но в то же время был очарован красотой стихов поэта. Настоящее понимание творчества Мицкевича придет в возрасте зрелом, в период написания прозаических эссе «Ziemia Ulro», «Dolina Issy», «Szukanie ojczyzny». Он отнесет поэзию Мицкевича к ценностям вечным, к источникам вдохновения. Отношение Милоша к наследию Мицкевича было по-настоящему творческим. Не случайно он так часто обращался к произведениям великого предшественника, интерпретировал их, использовал в собственном творчестве и особенно высоко ценил их язык и образную систему.

«Творческое воображение Мицкевича живет, преобразованным в творческом воображении Милоша. – Писал А. Завада. – Над эстетическими меандрами авангарда и модернизма переброшен мост неизменной в своей сути трактовки поэзии как речи, для которой историческое время является второстепенной случайностью» [6, s. 207].

Милош также не относит творчество Мицкевича к категории исторической. 113 лет, разделяющих поэтов во времени, не изменили значимости поэзии Мицкевича. Не случайно Милош довольно часто указывает на их сходство и даже употребляет местоимения «мы» и «наше»: «Там, где наши пуши, дома и подворья» («Gaftki gorsetu»); или «инкрустирует» свои стихотворения произведениями Мицкевича: «Кроме моего сердца, которое останавливается, кроме моего слова, которое умолкает»; «Замок на вершине Новогрудской горы»; «Лесным пригоркам нужны лесные воды» («Поэтический трактат»).

Как и у Мицкевича, лирический герой у Милоша выступает в различных проявлениях и ипостасях. Этим подчеркивается изменчивость мира и человека. А. Фиут считает, что лирический герой у Милоша (отнесем эту характеристику и к лирическому герою Мицкевича) меняет «костюмы, маски, роли: неуловимый, он свободно измеряет время и пространство... в непрерывной игре уподоблений и отождествлений выражается неустойчивый и призрачный статус знаний о себе и других» [12, s. 29].

И все же лирические герои Мицкевича и Милоша при сходстве художественного воплощения имеют и существенные различия. У Мицкевича – это прежде всего «кресовянин», имеющий конкретное место жительства и действия: малую родину поэта – Новогрудчину. Не смотря на романтическую возвышенность и фантастичность, он конкретен своей локализацией: национальными приметами, культурой, обычаями и т.д. У Милоша – он в большей степени «человек мира», к малой родине – Шетейням (Литва)

он привязан воспоминаниями о детстве, о мире, которого уже нет. Этот герой познал многие страны, он много видел, много знает и к воспоминаниям относится в большей степени философски, с учетом временного интервала почти в 50 лет. «Утраченную» малую родину герой Милоша обрел в воспоминаниях и «сконструировал» ее в творчестве, поскольку в реальности ее уже не было. Поэтому эмоционально-лирический фактор автор подчинил фактору философско-пессимистическому: «Умершие поэты пусть коснутся струн» («Рождественская молитва»).

Исключение представляют картины природы. В их изображении Милош следует образцам творчества Мицкевича, которого он не только назвал «поэтом из соседней околицы», но и передал подобие чувств в восприятии и выражении красоты природы, которая на его родине в Шетейнях мало чем отличалась от природы Новогрудчины. Выразительным примером могут служить описания Свитязи Мицкевичем и озера без названия – Милошем.

У Мицкевича:

«Świtez tam jasne rozprzestrzenia łona,
W wielkiego kształcie obwodu,
Gęstą po bokach puszcza oczerniona,
A gładka jak szyba lodu.

Jeżeli nocną przybliżysz się doba
I zwrócisz ku wodom lice,
Gwiazdy nad tobą i gwiazdy pod tobą,
I dwa obaczysz księżyce...

Gdy oko brzegów przeciwnych nie sięga,
Dna nie odróżnia od szczytu,
Zdajesz się wisieć w środku niebokręga,
W jakiejś otchłani błękitu» [7, s. 64].

У Милоша:

«W mojej ojczyźnie, do której nie wrócę,
Jest takie leśne jezioro ogromne.
Chmury szerokie, rozdarte, cudowne.
Pamiętam, kiedy wzrok za siebie rzucę.

I płytkich wód szept w jakimś mroku ciemnym.
I dno, na którym są trawy cierniste.
Mew czarnych krzyk, zachodów zimnych czerwień.
Cyranek świsty w górze porywiste.

Śpi w niebie moim to jezioro cierni.
Pochylam się i widzę tam na dnie
Błask mego życia. I to, co straszy mnie.
Jest tam, nim śmierć mój kształt na wieki spełni» [13, s. 1].

Перспектива видения у озера каждого из поэтов различна. Мицкевич часто гулял вокруг него, знал местных жителей, которые в лесу собирали грибы и ягоды, знал рыбаков, с которыми беседовал и сам, и вместе с друзьями, и с Марылей. Это озеро имеет название, автору и читателю известно его место расположения, они хорошо знакомы с мифами и легендами, которые передавали их предки в качестве духовного наследия. Озеро Свитязь выступает у Мицкевича как своеобразный литературный герой, воплотивший в себе реальность с романтической возвышенностью и мифотворчеством (Свитязь – город с его величественной и трагической судьбой).

У Милоша озеро не имеет названия, но имеет романтическую таинственность, которая помогает автору в создании мифа детства и мифа малой родины, пережившей серьезные трагедии и катаклизмы. В его поэтических сборниках «Poemat w czasie zastygłym», «Trzy zimy», «Gdzie wschodzi słońce i kędy zapada» и др. проблема малой родины, как и концепция личности литературного героя решается в свете катастрофизма. Малая родина превратилась в своеобразную утопию: ее конкретное существование прекращено, но не природой, а социальным строем, установившимся после Второй мировой войны. И поэт воспроизводит, конструирует ее в своем творческом сознании. Малая родина у Милоша лишена мицкевичевской конкретности – она романтический миф, quasi – воспоминание, «надвременная структура» маленького кусочка земли – Литвы, на которой поэт был счастливым в детстве.

«Na gęsich piórkach maczanych w inkauscie
Jeszcze pod lipą światło dzienne drżało.
W księgach to samo rządziło prawo

Poczęte z wiary, że piękność widzialna
 Jest małym lustrem dla piękności bytu.
 Polami wtedy żywi uciekali
 Od samych siebie, wiedząc, że wiek minie
 Zanim powrócą. Przed nimi ruchome
 Piaski, na których drzewo się zamienia w nic» [14, s. 25].

В поэзии Милоша, как справедливо отмечает А. Фиут, «совершенство описаний отдельных предметов и умение их сокращать визуально идет в паре с интерпретацией всей сцены с противоположных точек зрения. Причем эти точки зрения имеют значения равные как метафорические и познавательные... так дословные: интерпретация связана с движением глаз наблюдателя» [15, s. 15]. К сказанному следует добавить, что философия вечного движения от начала к концу, от рождения к смерти – это, согласно Милошу, удел не только всего живого, но и всего существующего. И в этом плане концепция Мицкевича «вижу и описываю» у Милоша трансформируется в концепцию «вижу, мыслю философски и описываю». Творческое воплощение проблемы малой родины у Милоша получает определенную направленность: от зрительного образа (реальные картины детства и юности) к воспоминаниям о них и на их основе – к составлению надвременных структур и моделей и, наконец, к философскому обобщению и осмыслению.

Тема малой родины Мицкевичем дается в противопоставлении: околица, в которой царит мир, благосостояние, спокойствие, и «остальной мир, залитый слезами и кровью». У Милоша малая родина – это рай, разрушенный социальным мироустройством. Он остается жить только в сознании поэта – человека с растревоженным сердцем и обеспокоенного и политической ситуацией на его родине, и брэнностью существования человека, утратившего в душе Бога.

На основании сказанного можно сделать следующие выводы:

– два великих представителя польской литературы – Мицкевич в XIX веке и Милош в XX веке – являются выходцами с одной «малой родины» – ныне соседствующих самостоятельных государств Беларуси (Мицкевич) и Литвы (Милош), в историческом прошлом единой страны Великого Княжества Литовского;

– несмотря на то, что принадлежали поэты к разным эпохам, в их жизни и творчестве можно наблюдать определенное сходство, оба любили родную землю и обоим пришлось быть изгнанниками – эмигрантами не по собственной воле;

– тема малой родины у обоих поэтов имеет три ракурса ее видения и воплощения в творчестве: эмоционально-фактический, гражданско-политический и философско-ностальгический;

– сохраняя подобие художественных принципов Мицкевич и Милош по-разному решали проблемы: а) героя (у Мицкевича – кресовянин, у Милоша – человек мира), б) взаимосвязи «малой» и «большой» родин с окружающим миром, в) функций природы и ее воздействия на человека, г) концептуальных и идейных решений, представленных в творчестве каждого из поэтов в контекстах времени жизни Мицкевича (первой половины XIX века), Милоша (второй половины XX века).

ЛИТЕРАТУРА

1. Mickiewicz, A. Pan Tadeusz / A. Mickiewicz. – Kraków, 1992.
2. Miłosz, Cz. Poezje wybrane / Cz. Miłosz. – Kraków, 1999.
3. Mickiewicz, W. Żywot Adama Mickiewicza / W. Mickiewicz. – Т. 1. – Poznań, 1980.
4. Лойко, О. Мицкевич и белорусская литература / О. Лойко. – Минск, 1959.
5. Wyka, K. Szkice literackie i artystyczne / K. Wyka. – Т. 1. – Kraków, 1956.
6. Zawada, A. Miłosz / A. Zawada. – Wrocław, 1996.
7. Mickiewicz, A. Wiersze / A. Mickiewicz. – Warszawa, 1972.
8. Zaleski, M. Zamiast o twórczości Czesława Miłosza / M. Zaleski. – Kraków, 2005.
9. Fiut, A. Czesława Miłosza portret przekorny / A. Fiut. – Kraków, 1994.
10. Chrzastowska, B. Poezje Czesława Miłosza / B. Chrzastowska. – Warszawa, 1982.
11. Miłosz, Cz. Gdzie wschodzi słońce i kędy zapada / Cz. Miłosz. – Kraków, 1980.
12. Fiut, A. Poeta w roli ucznia, świadka i pielgrzyma / A. Fiut // «Pismo». – 1981. – nr 1.
13. Miłosz, Cz. Wiersze / Cz. Miłosz. – Wydawnictwo Młoda Polska.
14. Miłosz, Cz. Traktat poetycki / Cz. Miłosz. – Suwałki, 1981.
15. Fiut, A. Moment wieczny o poezji Czesława Miłosza / A. Fiut. – Warszawa, 1993.